География бедности

Глобализация привела не только к экономической, но и политической поляризации.

Во многих странах место, в котором вы живете, обычно позволяет точно предугадать, за кого или за что вы проголосуете. Это очень наглядно видно на картах с итогами голосования за и против на июньском референдуме о членстве Великобритании в ЕС. Схожая ситуация с географическим распределением голосов наблюдалась на президентских выборах 2012 года в США и в уровне поддержки Национального фронта Марин Ле Пен на региональных выборах 2015 года во Франции. Вероятно, такой же будет картина и на предстоящих президентских выборах в США. Многие граждане обычно голосуют точно так же, как их соседи.

Электоральная география свидетельствует о глубоких экономических и социальных различиях, а также различиях в уровне образования. Богатые города, куда стекаются выпускники университетов, обычно голосуют за открытых для международного сотрудничества кандидатов (обычно это левоцентристы), а в районах проживания нижнего слоя среднего класса и простых рабочих обычно выбирают кандидатов, выступающих против международной торговли (как правило, это националистично настроенные правые). Неслучайно мэры, представляющие левый центр, управляют Нью-Йорком, Лондоном, Парижем и Берлином, а в городах поменьше, которые переживают трудности, предпочитают жестких правых политиков.

Региональная или локальная структура голосования стара, как сама демократия. Новым явлением стал рост корреляции пространственной, социальной и политической поляризации общества, которая превращает товарищей-сограждан по меньшей мере в незнакомцев. Энрико Моретти из Калифорнийского университета в Беркли в своей книге «Новая география рабочих мест» подчеркивает масштаб этих новых различий: выпускники университетов составляют половину населения наиболее богатых американских городских конгломератов, но их в четыре раза меньше в тех городах и регионах, где дела идут не столь хорошо.

Кто живет и работает в традиционных промышленных районах, попавших в водоворот глобализации, проиграл многократно.

Экономические шоки обычно усугубляют эти политические различия. Те, кто живет и работает в традиционных промышленных районах, попавших в водоворот глобализации, проиграли многократно. Наличие работы, стоимость недвижимости, будущее детей и родственников – все это оказалось в высшей степени взаимосвязано.

Дэвид Отор из MIT с группой соавторов исследовали политические последствия этих явлений в новой интересной работе. Выяснилось, что жители тех районов США, где экономика серьезно пострадала из-за китайского экспорта, отреагировали на эти перемены заменой умеренных депутатов на более радикальных политиков – как левых, так и правых. Глобализация тем самым привела не только к экономической, но и политической поляризации.

Правительства слишком долгое время игнорировали эти различия. Одни верили в эффект постепенного распространения выгод глобализации по всей экономике, другие – в восстановление роста и занятости с помощью монетарной политики, третьи – в фискальное перераспределение богатства. Однако все эти меры не принесли большого облегчения.

Опыт показывает, что надежды на постепенное распространение процветания во всех географических зонах являются наивными. Сегодня экономическое развитие в значительной мере полагается на взаимосвязи, а для этого, в свою очередь, нужна высокая плотность компаний, профессиональных умений и инноваторов. Это означает, что преимущества получают крупные городские агломерации. И именно поэтому крупные города, как правило, быстро растут, а у городов поменьше возникают проблемы. Как только определенная территория начинает терять опытных специалистов и компании, у нее практически не остается надежд, что эта тенденция естественным образом сменится на обратную. Отсутствие работы может быстро стать «новой нормой» для местных жителей.

Рост экономики сам по себе становится фактором поляризации общества.

Расширение совокупного спроса практически не смягчает эти страдания. Действительно, прилив поднимает все лодки, но не все поднимаются в равной степени. Для тех, кто оказался позади, повышение темпов роста экономики зачастую означает, что в тех городах, где дела и так идут хорошо, будет еще больше процветания и динамизма;

а им самим этот рост не даст ничего или очень мало. Различия в результате становятся еще более резкими и невыносимыми. Рост экономики сам по себе становится фактором поляризации общества.

Бюджетные субсидии помогают бороться с неравенством и бедностью, но они мало содействуют укреплению социальной ткани. Кроме того, долгосрочная устойчивость подобных мер выглядит все более сомнительно.

В своей инаугурационной речи британский премьер-министр Тереза Мэй пообещала «юнионистский» подход к экономическим и социальным проблемам страны. Кандидаты в президенты США тоже обнаружили эффективность призывов к национальной и социальной сплоченности. Несомненно, что схожие акценты будут делаться и во время предстоящей президентской кампании во Франции. Однако несмотря на ясность целей, политики часто беспомощны в выборе средств.

В ходе избирательной кампании в США в моде вновь оказались идеи торгового протекционизма. Ограничения импорта, возможно, помогут смягчить проблемы в некоторых промышленных районах, но они не остановят компании, которые хотят переехать туда, где больше возможностей для роста. Эти меры не защитят рабочих от изменений в технологиях. Они не позволят воссоздать вчерашнюю модель развития.

В Великобритании (как, впрочем, и в других странах) наиболее острым вопросом стала экономическая миграция. Здесь то же самое: ограничение въезда рабочих из Восточной Европы, может быть, поможет уменьшить конкуренцию в уровне зарплат и остановить рост цен на жилье, но эта мера не изменит сложившуюся судьбу больших и малых городов.

Расцвет крупных городов – это факт, каким бы он ни был малоприятным. И ему не следует сопротивляться.

Политики – вопреки тому, что они сейчас говорят, – должны признать, что географическая неравномерность современного экономического развития не лечится легко. Расцвет крупных городов – это факт, каким бы он ни был малоприятным. И ему не следует сопротивляться, потому что речь не идет об игре с нулевой суммой. Большие города действительно приносят экономическую выгоду для всех.

В таких условиях политика правительства должна гарантировать, что процесс концентрации экономики в городских агломерациях не создает угроз для равенства возможностей. Правительство не может решать за компании, где они должны вести свой бизнес. Но его обязанность заключается в том, чтобы гарантировать: место вашего рождения не станет клеймом для вашего будущего, пусть даже ваш нынешний доход и зависит от места проживания. Иными словами, основная задача власти заключается в снижении корреляции между географией и социальной мобильностью. И, как показал Радж Четти из Стэнфорда со своими коллегами, это касается не только США, аналогичная ситуация складывается и в других странах.

Здесь может прийти на помощь инфраструктура. Эффективный транспорт, качественные услуги здравоохранения, широкополосный доступ в интернет – все это позволит малым городам привлекать инвестиции в те отрасли, которые не зависят от эффекта агломерации. Например, бэк-офисы выгоднее размещать там, где офисы и жилье стоят дешевле.

Наконец, есть повод ограничить эгоизм регионов, у которых дела идут хорошо. Распределение компетенций между национальным и местными уровнями управления, а также структура налогообложения, формировались в совершенно другой обстановке. Для смягчения геоэкономических различий, возможно, стоит подвергнуть все это фундаментальному переосмыслению.

(c) Project Syndicate

Жан Пизани-Ферри
Берлин

Жан Пизани-Ферри (Jean Pisani-Ferry) - профессор Школы управления Hertie в Берлине, в настоящее время работает в France Stratégie, институте по вопросам политики в Париже.

1 LESERBRIEFE

Moritz Gathmann schrieb am 15.11.2016

Интересная статья.

<footer>5/5</footer>